

Гермиона сбилась с толку, когда они вышли из вокзала. Вместо привычного маршрута к стоянке, отец направил ее к ряду такси. — Где машина, папа? — спросила она. — О, она дома, в гараже, — ответил отец, лукаво улыбаясь. В этот миг по лужам, оставшимся после ливня, пронесся черный лимузин Bentley и остановился перед ними. Дверь багажника распахнулась, и из машины вышел водитель в форме, приклонив шляпу. — Добрый вечер, мисс Грейнджер, — обратился он к Гермионе. — У вас есть багаж, который нужно уложить? Гермиона растерянно переводила взгляд с одного родителя на другого, ее рот то открывался, то закрывался. — Что? — спросил мистер Грейнджер. — Разве мы не можем время от времени баловать величайшую ученицу своего поколения? — Эмм... мы должны оставить Живоглота с нами, дорогая... где твой сундук? — вмешалась миссис Грейнджер. Слишком ошеломленная, чтобы сообразить, Гермиона машинально потянулась в карман и достала уменьшенный сундук. У нее перехватило дыхание, когда она поняла, что натворила, но, словно подчиняясь какой-то прихоти, с улыбкой протянула коробку водителю. — Они хотят быть наглыми, я буду наглой, — подумала она про себя. Невозмутимый водитель не прогадал. — Очень хорошо, мисс Грейнджер, — сказал он, забирая у Гермионы коробку и укладывая ее в багажник. Злобная ухмылка, которой она одарила родителей, вызвала несколько смешков. — Туше, — сказала мать, когда водитель открыл заднюю дверь, и семья Грейнджер забралась на заднее сиденье. Живоглот скулил, но Гермиона не выпускала его из коробки. Когда "Бентли" выехал на дорогу, Гермиона решила отказаться от попыток выудить из родителей какую-либо информацию: слова было бы трудно передать через их ухмылки чеширских котов. Ее беспокоило поведение родителей. Хотя всем родителям Хогвартса были разосланы совы с информацией о смерти Дамблдора и поминальной службе, они ни разу не упомянули об этом. Но она, конечно, не собиралась ничего говорить... слишком легко было дать им повод для сомнений и предположить, что их выходки отчасти объясняются ее долгим отсутствием. Гермиона также знала, что она не была типичной ученицей школы-интерната, приехавшей домой на каникулы; это больше походило на передышку после военной службы, и они, несомненно, были в восторге от того, что увидели ее живой. Тем не менее она была рада вернуться к родителям — только не глупо. Но если они хотят быть счастливыми, то ей не составит труда на время отвлечься от своих забот. Это было то, что она научилась делать очень хорошо, когда была рядом с Гарри. Они пытались найти темы для разговора, но вскоре беседа заглохла. Во время других поездок из Кингс-Кросса лимузин семьи Грейнджер был полон рассказов о Хогвартсе и мире Гермионы, но их водитель-магл помешал таким разговорам. Мать Гермионы передавала отрывочные новости о своих кузинах, соседях и детях школьного возраста сотрудников ее практики. Каждый год было одно и то же: кузен Барри только что закончил школу и собирался поступать в университет в Ноттингеме, только одна из близняшек Томпсон сдала экзамен по вождению с первого раза, соседке Лиззи только что сняли брекеты и так далее. Мать всегда надеялась, что эти новости укрепят ту хрупкую нить, которая связывала ее с миром Магл. Однако Гермиона уже давно поняла, что эти истории имеют обратный эффект. Ее мир был просто перевернут с ног на голову, а истории лишь подчеркивали этот факт. Ее "нормальным" был мир призраков, гоблинов и Темных Лордов, а нереальным — мир компьютеров, зубной нити и прыщавых подростков. — Что ж, — думала Гермиона, пока машина ехала по дороге, — возможно, с подростковым раздражением все обстоит именно так. В другой части Лондона пассажиры другого черного лимузина были совсем не рады. Дурсли ждали героя Дадли уже два часа. Поначалу они были в восторге — их отвезли в бальный зал отеля "Савой", и все это казалось таким шикарным, таким вест-эндским — Петуния уже проявила два рулона пленки, чтобы похвастаться перед соседями. Однако по мере того как время тянулось, восторг сменился разочарованием. Их даже не покормили. Затем пришло известие, что место встречи изменено и их придется везти в другое место. Лицо Вернона стало пунцовым, а шея выпирала из воротника рубашки. Только мольбы Дадли сделать все возможное, чтобы получить автограф, сдерживали самообладание отца, по крайней мере до тех пор, пока Вернон не понял, что машина, в которой они сейчас находятся, едет по кругу. — Ладно, — прорычал он, его лицо

стало багровым, — с меня хватит. Отвезите нас домой.— Но отец, — пожаловался Дадли.— Но отец ничего, — ответил Вернон. — Мне ясно, что кто-то сыграл с нами злую шутку... Ой! Вы меня слышали, отвезите нас домой! Мужчина, сидевший на пассажирском сиденье машины, повернулся лицом к Вернону.— Боюсь, это невозможно, сэр. Садитесь поудобнее, и через несколько минут вы будете на встрече.— На встрече с кем? — воскликнул Вернон. — Я спрашиваю, вы отвезете нас домой... или вы удерживаете нас против нашей воли?— Простите, сэр, — ответил мужчина, — все станет ясно на вашей встрече.— На встрече с кем, я вас спрашиваю! — воскликнул Вернон. Он сделал паузу, чтобы обдумать мысль, от которой его красное лицо стало еще бледнее. — Вы... вы не такой человек, не так ли? Мужчина вопросительно посмотрел на него.— О каких людях вы говорите?— Ну, знаете, — ответил Вернон, — один из этих... уродов... как Дамблдор... ну, знаете... волшебников?— Волшебники? — недоверчиво сказал мужчина. — Вы спрашиваете меня, волшебник ли я?— Да, именно так. Мужчина разразился смехом и повернулся к водителю. — Эй, Джерри, ты это слышал? Этот парень думает, что в нас течет кровь волшебников! Он с усмешкой обернулся к Вернону. — Верно, сэр, вы нас вычислили, ... поймали нас со спущенными мантиями волшебников. Меня зовут Мерлин, а моего друга вон там — Динь-Динь.— Хлопайте, если верите в фей, — со смехом сказал водитель. Вернон снова покраснел.— Я требую, чтобы вы отвезли нас обратно домой!— Ну все, пузатик, ты мне надоел, — сказал мужчина. — Сядь и заткнись. Он полез в пальто и достал пистолет. — Или мне придется воспользоваться своей волшебной палочкой. Вернон быстро сел обратно в кресло.— Так-то лучше, — сказал мужчина, убирая оружие в кобуру. Кивнув внезапно затосковавшему Дадли, он добавил: — Эй, Табби... не устраивай беспорядка, мы только что перестелили обивку. Дадли хныкнул, но сумел удержать живот. Всю оставшуюся часть пути Дурсли молчали. Страх сковал их души, не давая разглядеть подробности. Иначе бы они заметили чёрные шляпы бифитеров, венчающие головы охранников в красной униформе, когда машина свернула с дороги и въехала в ворота казарм Гайд-парка.